УДК 94(47).083+084

М. В. Ковалев

«...Я знал Николая Степановича ровно полвека»: воспоминания В. Н. Коковцова о Н. С. Таганцеве[1]

В истории нередко бывает, что судьбы двух разных людей, однажды случайным образом пересекшись, затем развиваются параллельно, неотделимо друг от друга. Подтверждением этому тезису могут служить биографии двух видных деятелей императорской России — Николая Степановича Таганцева (1843–1923) и Владимира Николаевича Коковцова (1853–1943)[2]. Первый навсегда вписал свое имя в историю российской юриспруденции, став классиком теории уголовного права, а второй прославился в сфере государственной службы, пройдя путь от чиновника департамента министерства юстиции до министра финансов и председателя правительства.

История их взаимоотношений интересна не только сама по себе, в контексте коммуникаций представителей имперских элит, но и в свете интеллектуальных взаимодействий, трансфера идей и знаний, ведь Н. С. Таганцев был учителем будущего премьер-министра в престижном Александровском лицее[3]. «Любимый профессор», «мой искренний, неизменный друг», — будет говорить В. Н. Коковцов о нем много лет спустя. Их знакомство состоялось в начале 1870 г., когда молодой Н. С. Таганцев приступил к преподаванию уголовного права и судопроизводства учащимся старших классов лицея. Среди них был и 16-летний В. Н. Коковцов. Николай Степанович выделялся своим педагогическим талантом, кругозором и широтой взглядов, и среди всех преподавателей Коковцов тяготел именно к нему. Потому, когда в начале 1872 г. в лицее вступило в силу новое правило, требовавшее от учеников

написания выпускной работы для повышения шансов на получение золотой медали, Коковцов выбрал своим научным руководителем именно Николая Степановича. Он решил посвятить свой труд вопросу ответственности несовершеннолетних по русскому праву[4]. Н. С. Таганцев в то время занимался этой темой и потому активно помогал ученику, принимая его у себя дома, делясь литературой и источниками.

Работа получила высокую оценку наставника, и он порекомендовал В. Н. Коковцову посвятить себя науке, пройдя для начала ускоренный курс юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Идею поддержали и другие преподаватели лицея, в том числе А. Д. Градовский. Именно Н. С. Таганцев прямо с выпускного акта отвез Коковцова к ректору университета К. Ф. Кесслеру, представив его как будущего студента. В декабре 1872 г. он был зачислен на юридический факультет. Увы, проучиться ему будет суждено совсем недолго. Внезапная смерть отца в феврале 1873 г. заставит В. Н. Коковцова оставить учебу. Материальное положение семьи было нестабильно, и он был вынужден взять на себя заботу о ней, поступив на государственную службу.

Однако создается впечатление, что некоторое время В. Н. Коковцов не оставлял мыслей о занятии наукой. Об этом свидетельствует его письмо к Н. С. Таганцеву от 2 сентября 1875 г., в котором он интересовался мнением учителя о необходимости перевода на русский язык сочинения итальянского просветителя Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях»[5]. Коковцов был готов взяться за эту работу, правда, из-за незнания итальянского языка предполагал делать перевод с французского научного издания трактата, сделанного Фаустеном Эли (1799–1884)[6]. Если Таганцев счел был проект нецелесообразным, то В. Н. Коковцов готов был предложить в качестве альтернативы перевод фундаментального труда бельгийского правоведа Жака-Жозефа Хауса (1796–1881) «Курс уголовного права»[7]. Увы, ответ Таганцева не сохранился, но доподлинно известно, что ни один из этих проектов Коковцов не реализовал. Однако интереса к зарубежному правовому опыту он не утратил.

Вынужденно отказавшись от научной карьеры, Владимир Николаевич поступил на службу в министерство юстиции, которое готовило проект преобразования пенитенциарной системы. В 1877 г. он был командирован в Европу для изучения европейского опыта организации тюрем и содержания заключенных. Тут ему пригодились знания в сфере уголовного права, полученные от Н. С. Таганцева, и появилась возможность реализовать свой интерес к зарубежной правовой теории и практике. Николай Степанович был хорошо осведомлен об успехах воспитанника и потому поддержал идею К. К. Грота привлечь В. Н. Коковцова к службе в Главном тюремном управлении, образованном в 1879 г. В 1895 г. и Коковцов, и Таганцев будут приглашены в качестве экспертов при переводе этого Управления из ведения министерства внутренних дел в министерство юстиции. Их отношения к этому времени трансформировались из коллегиальных еще и в дружеские.

В начале XX в. карьера В. Н. Коковцова сделала резкий рывок, приведя его к высшим бюрократическим постам империи. Н. С. Таганцев в 1905 г. будет введен в состав Государственного совета. На его заседаниях Николай Степанович будет регулярно встречать своего бывшего лицейского ученика. Интересно, что в Совете оба нередко противостояли линии С. Ю. Витте, правда, по разным вопросам[8]. Таганцев внимательно следил за успехами Коковцова и всячески желал ему успехов, хотя взгляды их далеко не всегда совпадали. При различии их позиций по целому ряду вопросов, нельзя всё же отрицать наличия у Коковцова стремления к соблюдению буквы закона, сформированное не без влияния Таганцева, и его, пусть и робкое, стремление к диалогу с разными политическими силами. Своему учителю он писал по этому поводу в сентябре 1911 г.: «Не в моих вкусах блестящие фейерверки, приправленные острыми эффектами, не вражда и угнетение, а примирение и сознание необходимости дать каждому возможность спокойно жить и трудиться — составленный мной символ веры»[9]. Отставка Коковцова с поста премьер-министра в 1914 г. станет для Таганцева крайне неприятным известием, о чем он напишет в письме [10].

Вместе они стали свидетелями переломных событий в жизни страны, которые в итоге разметали близких им людей и их самих. Февральскую революцию они восприняли по-разному: Н. С. Таганцев — с воодушевлением, В. Н. Коковцов — с недоверием и осторожностью. Но захват власти большевиками оба оценили крайне негативно. Коковцов, пережив кратковременный арест, ушел в эмиграцию. Там же, на чужбине, оказался старший сын Таганцева — Николай, и его дочь — Зинаида. В Париже они будут нередко пересекаться с бывшим премьером. Эпистолярное общение Таганцева со своим другом, оказавшимся за рубежом, шло в это время через посредников. В начале 1921 г. Николай Степанович попросит В. Н. Коковцова помочь с получением для него и супруги французских виз, чтобы приехать в Париж и навестить живших там детей. Владимир Николаевич просьбу исполнит, но поездка Таганцева не состоится, ибо в апреле 1921 г. скоропостижно скончается его супруга. И в том же году старого ученого постигнет новый удар: ВЧК арестует его младшего сына — Владимира. 29 августа 1921 г. он будет расстрелян по делу «Петроградской боевой организации»[11]. В марте 1923 г. уйдет из жизни и Таганцев.

Увы, неизвестно, как и через кого достигла В. Н. Коковцова весть о смерти старого друга. Живя в Париже, граф общался с оставшимися в Советской России друзьями и родственниками исключительно через посредников, боясь навлечь на них гнев со стороны новых властей.

4 марта 1930 г. Союз бывших деятелей российского судебного ведомства в Париже организовал памятное собрание в честь Н. С. Таганцева. Среди выступивших с речами были видные российские юристы — Н. С. Тимашев, П. Н. Переверзев, О. С. Трахтерев, В. П. Носович, Г. С. Слиозберг. Все они воздавали должное Н. С. Таганцеву как общественному деятелю и как ученому, веруя в то, что «будущая Россия» еще вернется к его творческому наследию[12].

Главным докладчиком на этом собрании стал В. Н. Коковцов, который выступал не столько на правах бывшего сановника, сколько как близкий друг, как ученик. Это предопределило характер его доклада. Текст его сохранился и, вне всякого сомнения, заслуживает введения в научный оборот.

Речь В. Н. Коковцова — это рассказ пожилого человека, некогда достигшего вершин власти, а затем пережившего крушение привычного мира, который сопровождался еще и распадом привычных социальных связей. Для него «порвалось прошлое», а будущего уже нет. Если в начале 1920-х гг. В. Н. Коковцов, как и многие эмигранты, еще верил в свержение большевиков и даже составлял планы экономического переустройства обновленной России[13], то к началу 1930-х гг. от этих надежд не осталось и следа. Его речь наглядно демонстрирует эти горькие изменения. Метафоры смерти и изгнания сливаются в его выступлении воедино. Коковцов вспоминает о друге и твердо знает, что никогда не навестит его могилы. Он также понимает, что и его жизнь клонится к закату и что ему не суждено упокоиться в родной земле. Примечательно, что Коковцов много раз цитирует строфы А. С. Пушкина, демонстрируя тем самым не только литературные пристрастия, но и принадлежность к лицейской корпорации, для которой великий поэт стал символом.

Примечателен пассаж, в котором В. Н. Коковцов упомянул о работе над мемуарами. Они увидят свет в 1933 г., и в них автор несколько раз с теплотой упомянет о Н. С. Таганцеве[14]. Однако той развернутой картины их взаимоотношений, какая рисуется в публикуемом тексте, в них нет. Увы, в мемуарах Таганцева, неведомым чудом опубликованных в Петрограде в 1919 г., акценты были также сделаны на опыте общественной работы, а потому сведения о частной жизни автора предельно скудны. Тем ценнее для историка публикуемый текст, раскрывающий взаимоотношения двух ярких исторических деятелей и отражающий картину мира представителей имперских элит на переломе истории.

Текст доклада сохранился в личном фонде В. Н. Коковцова в Государственном архиве Российской Федерации (далее ГА РФ). В 1934 г. бывший премьер-министр передал его в числе некоторых личных документов в Русский заграничный исторический архив в Праге, который, как известно, в 1946 г. был вывезен в СССР. Документ напечатан на пишущей машинке на листах, приближенных к формату А4. На первой странице, в правом верхнем углу, имеется штамп Русского заграничного исторического архива в Праге со вписанным в него от руки входящим номером документа — 7889. Почти на каждом листе имеются рукописные вставки В. Н. Коковцова, сделанные черными чернилами, и помещенные при публикации в угловые скобки. Зачеркнутые фрагменты текста расшифрованы в сносках. Немногочисленные явные опечатки исправлены без оговорок. При подготовке текста сохранены особенности стилистики автора, пунктуация приведена к современным нормам.

Приложение

<Сообщение в Собрании 19 февраля / 4 марта 1930 г., посвященном> Памяти Николая Степановича Таганцева (Из личных воспоминаний)

Когда собираются вместе люди, связанные общими воспоминаниями об одинаково дорогом для них человеке, ушедшем уже в вечность, и делают это для того чтобы сказать друг другу, чем отметил он свой жизненный путь, каким знали они его, — не следует пренебрегать ничем, что может полнее осветить его образ.

Нужно беречь всякий штрих, всякий луч света, как бы слаб он ни был, потому что и своим небольшим отблеском он всё же осветит какую-либо грань в жизни и личности этого ушедшего от нас человека, которая осталась бы без этого в тени и, во всяком случае, <он>сделает несколько полнее наши о нем воспоминания.

Такой прием, правильный всегда, в особенности необходим теперь для нас, в нашем изгнаньи.

Там, дома, на могиле Николая Степановича, на Митрофаньевском кладбище [15], сегодня утром, в день его рожденья, собралось вероятно, очень немного из близких ему людей. Из его семьи, кроме его старшей дочери от первого брака[16], не осталось <там>в живых никого.

Кто жив еще в Петербурге из тех, кто учился у него, кто обязан ему своими лучшими заветами молодости, кто <работает>с ним и под его руководством, и кто был связан с ними жизненными нитями, я не знаю. Но думаю, что и их осталось тоже немного и, во всяком случае, едва ли ошибусь, если скажу, что все оставшиеся там ушли молча с его могилы, затаивши в своей душе каждый свою думу. Едва ли они могли собраться вместе, поговорить о покойном и едва ли на их долю выпал счастливый жребий пережить хоть несколько часов, к которым приложимы слова поэта:

...Они вспоминали минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...[17]

Наша участь в этом отношении на самом деле завидная. Мы могли собраться вместе, чтобы отдать память покойного нашу благоговейную дань привязанности к нему. Никто нам в этом случае не помешал. Каждый из нас может сказать о Николае Степановиче всё, что сохранилось у него в душе. Скажу и я то, что мне хотелось бы извлечь из тайников моих личных воспоминаний, чем хотелось бы поделиться с собравшимися, что полезно уберечь от забвения, неизбежного, если бы я не оживил в моих воспоминаниях этих обрывков из далекого прошлого...

Я поделюсь с Вами исключительно моими личными воспоминаниями, не углубляясь в те стороны его поистине многогранной деятельности, посвященной науке и делу правосудия, которую осветили уже говорившие до меня и осветят вероятно и те, кто будут говорить после меня. К тому же, на общей работе нас соединила с Николаем Степановичем наша общая судьба лишь под конец моей жизни дома, когда он был назначен членом Государственного совета[18], и начались наши постоянные, почти ежедневные, встречи, не омрачавшиеся ни одним расхождением во взглядах.

До этой последней поры, наши отношения были <главным образом личного характера>[19], а они протекали за долгий, очень долгий период времени, и память о них сохранилась у меня как о чем-то ненарушимо светлом, неизменившемся ни на один час, и мне, старику, отрадно сказать теперь, <под конец и моей жизни>, что мой учитель, мой любимый профессор, издавна был моим и искренним, неизменным другом.

Впервые я увидел Николая Степановича в начале 1870 года. В последний раз мы виделись с ним в августе<–сентябре> 1918 года, перед самым моим уходом из России[20]. Последнее от него письмо дошло до меня весною 1921 года, а потом стали доходить только случайные, отрывочные сведения через мою сестру[21], время от времени навещавшую его по моей просьбе и неизменно присылавшую мне его привет и ласку.

Таким образом, я знал Николая Степановича ровно полвека.

Пересказать полно и подробно всё, что сохранила об нем моя память, не позволил бы мне недостаток времени. Мне приходится поэтому отметить только бегло <те> немногие вехи, по которым пробежали эти полувековые отношения и этими моими словами положить <мысленно>[22] запоздалый венок <моей благодарности>на его могилу, которую мне не суждено, конечно, уже никогда навестить.

Мне было 16 лет, когда впервые в аудиторию младшего <класса>на старшем курсе Императорского Александровского лицея[23]директор Лицея Н. И. Миллер[24] ввел молодого профессора в синем вицмундирном фраке ведомства министерства народного просвещения[25], с черными вьющимися волосами, закинутыми назад, и с ярким румянцем на щеках. Это был — Николай Степанович Таганцев, только что вступивший в состав профессоров старшего курса Лицея. В эту пору обновился весь преподавательский состав на старшем курсе. То была поистине самая блестящая пора Лицея.

Государственное право читал А. Д. Градовский[26]. Гражданское и римское право читал известный С. В. Пахман[27]. Историю русского права — В. И. Сергеевич[28]. Политическую экономию и финансовое право — лицеист, академик В. П. Безобразов[29], отличавшийся, правда, оригинальным методом преподавания. Уголовное право и потом судопроизводство читал Николай Степанович.

Для всей молодежи, переходившей из гимназий в университеты, также как и в таких закрытых учебных заведениях смешанного типа, каким были Лицей

и Училище правоведения[30], переход из гимназических классов в университетские всегда был сопряжен с резким переломом. Для лицеистов того далекого времени он был еще более ощутителен.

Нужно сказать правду, вспоминая преподавание в младших классах в конце шестидесятых годов, что мы на самом деле — «всему учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь»[31]. Мы были слабо подготовлены к усвоению университетских дисциплин; втягиваться нам в работу было нелегко, и мало кому известно, как работали многие из нас для того, чтобы следить за курсом, <а работали мы много и добросовестно>. В этом нам оказал величайшую помощь особый внутренний уклад лицея того времени, мало известный широким слоям публики, часто относившейся пренебрежительно к учебному строю «привилегированных» учебных заведений. Еще бóльшую помощь оказал нам весь состав названных профессоров; отношение их к нам и всё, что они делали, чтобы пополнить нашу неважную подготовку в гимназических классах, невольно и теперь заставлять меня сказать, что этим, по словам Пушкина, —»наставникам, хранившим юность нашу»[32], мы, лицеисты<того времени>, обязаны самою глубокою признательностью. Николай Степанович шел впереди их и был всего ближе к нам.

Его лекции, оживленные, полные образов, сравнений, ярких примеров, облегчавших нам усваивать совершенно новые для нас понятия, были разительным контрастом того старого метода преподавания, с которого началось наше ознакомление с теорией уголовного права по лекциям также довольно известного в свое время профессора Якова Ивановича Баршева[33], вскоре покинувшего Лицей. Сначала нам было особенно трудно следить именно за лекциями Николая Степановича. Его речь была необычайно быстрая; записывать за ним было чистое мучение, но с <этим>[34] пришлось так или иначе справиться, потому что печатного курса в то время вовсе не было, и наш класс был именно тем первым классом, с которого началось составление курса <по лекциям> Николая Степановича для Лицея. Уже гораздо позже Н[иколай] Ст[епанович] не раз говорил, что лицейские записки очень помогли ему при составлении первого выпуска его печатного курса. Благодаря этой обстановке между нами всеми и нашими профессорами как-то незаметно установились особые отношения. О приемах <так называемого> школьничества, обычного во всех учебных заведениях, не было и помина. Расчета на «счастье» при экзаменах и на так называемые «фуксовые ответы»[35] почти не существовало по отношению ко всем названным профессорам, да и <не могло быть, потому что> система «семинара» с постоянною проверкой знаний периодическими испытаниями, влиявшими и на годовые отметки, <и притом по группам малой численности,> приводила к тому, что в среде учившихся произошел естественный отбор наиболее способных или по крайней мере усидчивых, которые вошли в близкую личную связь с отдельными профессорами, по предметам, их наиболее интересовавшим.

Я принадлежал к группе, пользовавшейся наибольшею поддержкою в смысле руководства занятиями и снабжением добавочными учебными пособиями, — профессоров Градовскаго и Таганцева.

К последнему я подошел особенно близко за год до выпуска.

В эту пору в лицее было впервые введено требование представления особой <выпускной> работы на предложения на выбор темы по тому или иному предмету. Я выбрал тему «Об ответственности малолетних», предложенную Николаем Степановичем[36]. Работа была, разумеется, компилятивная. Николай Степанович охотно руководил ею, часто принимал меня у себя на дому, обильно снабжал источниками помимо лицейской библиотеки, кстати очень богатой, и вообще широко тратил время на мою подготовку. Когда я кончил работу и представил ему ее, а он внес ее потом с своим заключением в учебную конференцию, то как-то после одной из последних своих лекций перед выпускными экзаменами, он подозвал меня к себе и сказал в его обычно шутливом тоне: «А что, государь мой, как бы Вы отнеслись к такой предерзостной мысли, если бы я посоветовал Вам после Лицея поучиться еще[37], например, проделав ускоренным темпом университетский курс? Из Вас, может быть, вышел бы неплохой работник для науки». Я сказал ему, что не думал никогда об этом, но мысль эта меня очень заманивает.

Вскоре после этого, при нашей встрече, как это было часто по воскресеньям вечером у А. Д. Градовского, туже мысль, но в еще более настойчивой форме они повторили оба, прибавивши, что года в два мне легко сдать кандидатский экзамен, а там, <сказали они>, «мы посмотрим, что Вам посоветовать дальше», и просили, чтобы я сказал их мнение моему отцу[38].

Я так и поступил. Отец мой принял эту мысль с величайшим сочувствием, предложил мне освободить меня от всяких материальных забот на весь необходимый срок и очень настойчиво поддержал меня в этом направлении. Узнало об этом лицейское начальство, узнал попечитель принц Петр Георгиевич Ольденбургский[39], решение мое было принято, <и испрошено было даже Высочайшее повеление>.

Прямо с выпускного акта, с лицейским дипломом, отвез меня лично Николай Степанович к ректору университета профессору Кесслеру[40] и 20 декабря 1872 года я был зачислен в список студентов университета по юридическому факультету.

Судьба судила, однако, иначе.

Два месяца спустя скоропостижно скончался в Москве мой отец и вся моя семейная обстановка резко изменилась.

В эту пору Николай Степанович сыграл для меня большую моральную роль.

Узнавши подробности о наступившей перемене в моей семейной жизни, он сказал: «Ну, видно, не судьба, придется Вам отказаться от того, что мы с Вами придумали. Вам нельзя заниматься вплотную в университете и искать средства к жизни; к этому Вы не приспособлены. Нужно Вам пойти на проторенную до-

рогу — искать государственной службы». Он отнесся с большим одобрением к моей мысли обратиться в министерство юстиции, хот бывших лицеистов там было всегда немного, и в первых числах марта 1873 года я поступил на службу в Департамент министерства юстиции[41], сначала в Статистическое, а затем в Уголовное отделение.

Три года спустя судьба вновь поставила меня в близкое соприкосновение с Николаем Степановичем. Оставаясь на прежней службе, я получил поручение нести добавочные обязанности в качестве секретаря при известном в ту пору человеке Константине Карловиче Гроте [42]. Он подготовлял преобразование управления тюремною частью в России[43], в связи с только что разработанною новою лестницею наказаний[44], в подготовке которой Николай Степанович принимал деятельное участие. Мне приходилось часто посещать петербургские тюрьмы, изучая по выработанной Гротом программе их внутренний быт, страдавший величайшими <мало даже кому известными>недостатками. В числе этих тюрем особое внимание Грота привлекал только что открытый в 1875 году Дом предварительного заключения[45], <который в ту пору оправдывал по его внутреннему свойству, поговорку — «У семи нянек — дитя без глазу»>.

В это время готовился рассмотрением известный в свою <пору>[46] процесс 193-х[47]. Николай Степанович принял на себя защиту в этом деле привлеченного в числе обвиняемых брата его жены[48], доктора А. А. Кадьяна[49]. Мы часто встречались с ним по этому поводу <в тюрьме> и там же Н[иколай] Ст[епанович] близко познакомился и с статским секретарем Гротом, <с которым сохранил затем самые близкие отношения до самой его кончины в 1897 году>. Он с большим одобрением отнесся к мысли Грота пригласить меня в состав нового Главного тюремного управления[50], когда оно будет образовано, а до того советовал мне ознакомиться с литературою по тюремному вопросу и готовиться к проектированной поездке заграницу для изучения лучших образцов устройства и управления мест заключения на Западе. И в этой работе Н[иколай] Ст[епанович] оказал мне самую широкую помощь и самое деятельное участие в моей теоретической подготовке.

Одиннадцать лет, с 1879 по 1890 год провел я в Главном управлении. За всё это время поистине кипучей работы, которая оставила после себя заметный след на многие последующие года, наши встречи не только не прекратились, но даже участились, потому что по многим крупным вопросам нашего тюремного переустройства приходилось зачастую прибегать к знаниям Н[иколая] Ст[епановича] и его неизменной готовности осветить возникавшее недоумение научным обоснованием. Отказа его в совете и помощи никто из нас никогда не знал. Прошли <эти> года. Я перешел на службу в Государственную канцелярию[51]. Иные вопросы — финансового и экономического характера — поглотили всё мое внимание и не оставляли меня до самого конца моей активной работы дома <в 1917 году>. В 1895 году мы снова сблизились с Н[иколаем] Ст[епановичем] и всё на той же почве тюремного вопроса: мы оба были приглашены в качестве экспертов, или

по современной терминологии «спецов», при переходе правления тюремною частью в ведомство министерства юстиции[52].

Как-то зимою 1895/1896 года, после одного из затянувшихся заседаний мы зашли по приглашению Н[иколая] Ст[епановича] в небольшой ресторан на Невском проспекте, против Гостиного двора под кличкою «Афганистан»[53]. Я не подозревал о его существовании, хотя два раза в день проходил регулярно мимо его. Мы нашли там опередивших нас также участников той же комиссии, также теперь покойных, Шмемана[54] и Чаплина[55], и Н[иколай] Ст[епанович] объявил нам, что угощает нас «своим» вином, совершенно особого свойства. Подали бутылку с красивым этикетом и надписью: «Белое», «из лучших лоз Крыма и Кавказа»; цена — 65 коп.

За этим скромным угощением, Николай Степанович спросил меня, известно ли [мне], чем замечательно 19-е февраля, на что я, разумеется, ответил — освобождением крестьян. А еще чем, настаивал он? Я отозвался неведением. Тогда он сказал: «Вот то-то, государь мой, более 20 лет мы водим с Вами дружбу, а Вы не знаете, что 19-го февраля родился Ваш покорный слуга и происходят у него ежегодно в этот день трапезы, и присутствуют на них все, кого хозяин любит, и кто его любит. И поставляетесь вы о сем им в известность, и будете Вы извергнуты из дружбы, если в этот день не будете присутствовать за трапезою вместе с Вашею супругою, о чем разумеется и будете извещаемы».

И с этой поры и до самого 1917 года мы неизменно было гостями Николая Степановича и Евгении Александровны[56]. Немного было лет за этот 20-летний период времени, чтобы мы отсутствовали в этот день из их дома.

Из участников этих обедов мало кто остался в живых, не считая немногих членов семьи Н[иколая] Ст[епановича] Кроме себя я могу назвать, да и то <только> за последние годы разве только двух членов Государственного совета по выборам от Польских губерний — Шебеко[57] и Скирмунта[58]. Все остальные умерли, и длинен вышел бы мой синодик, если бы я стал перечислять их.

Какие это были удивительные собрания, не только по радушию хозяев, особому подбору блюд, которого <было> не найти в других домах, но и по характеру бесед и какой-то примиряющей человеческие страсти атмосфере.

При самом большом различии участников обедов по их служебному и общественному положению и по их политическим взглядам никто не знал ни розни, ни взаимной отчужденности. Камертон этого настроения был в умелых руках Николая Степановича.

Все мы расходились, как говорится, далеко за полночь и у всех на устах была одна привычная форма прощанья: «До будущего 19-го февраля».

Последний период моей жизни в России, с назначения моего на должность министра финансов 5-го февраля 1904 года, особенно памятен мне <по одному поводу>в связи с именем Николая Степановича.

Мое назначение в первые дни начавшейся Японской войны[59] пришлось ровно за две недели до традиционного обеда 19-го февраля. Н[иколай] Ст[епанович]

особенно настаивал на том, чтобы мы непременно были на обеде, как бы это трудно ни было по событиям той минуты.

Когда мы с женою приехали к нему на Спасскую улицу[60], на углу Знаменской[61], он встретил меня с такою сердечностью, какой не пересказать мне, как бы ни было велико мое желание воспроизвести все мельчайшие подробности этого дорогого для меня дня.

За обедом, отступая от установившегося порядка — предоставить одному из <старших по возрасту> гостей произнести первое заздравное приветствие в <честь> новорожденного, Н[иколай] Ст[епанович] встал и обратился ко всем собравшимся — обед был многолюдный — с просьбою выслушать его приветствие «новорожденному министру финансов», которого, сказал он, «я знаю всего только 34 года и, следовательно, недостает всего 1-го года до 35-ти летней пряжки за беспорочную[62] <нашу дружбу».>

Затем в горячем слове, обращенном к присутствующим, рассказал им, как <34 года тому назад> вступил он в состав профессоров Лицея, как не хотелось ему идти в это «привилегированное» заведение и как сроднился он потом с ним, сколько отрадных минут пережил, следя за работою лицейской молодежи и с какою радостью приветствует он сегодня своего первого ученика из лицеистов, на которого выпал тяжелый, но почетный жребий занять пост министра финансов в такую ответственную минуту. Это была особенно дорогая мне, яркая апология Лицея, которую он, обращаясь ко мне <закончил> словами Пушкина: «Вашей славою и Вами, как нянька старая, горжусь»[63] <...> И прибавил: «Я знаю, что Вы никогда не дадите Вашему старому профессору повода <по>краснеть за Вас». Он подошел ко мне, обнял меня, осенил широким крестом и, сам растроганный, прослезился.

Эту счастливую минуту в моей жизни я должен открыто вспомнить перед присутствующими, и за нее я скажу и здесь мое слово благодарного воспоминания о Николая Степановича, как не раз говорил его лично ему в трудные минуты моей последующей жизни.

С того дня промелькнули с неуловимою быстротой 10 лет в моей работе на месте министра финансов, а последние три года и Председателя Совета министров. Николай Степанович перешел в Государственный совет. Наши деловые встречи участились, и подошел день моей отставки 30 января 1914 года.

Много дорогого внимания выпало на мою долю в связи с этим днем. Откликнулся и Николай Степанович сердечным письмом. Я долго хранил его, и когда стал заносить в мои воспоминания наиболее дорогие для меня моменты из моего прошлого, я занес в них и это письмо. Вот что написал мне Н[иколай] Ст[епанович].

<31 января 1914 г Н[иколай] Ст[епанович] Таганцев написал мне>[64]: «Мои карточки — знак поздравления нового графа, а мое письмо — знак моей большой печали и больших испытаний. Думаю, что печаль раздирает со мной всех тех, которые дорожат будущим дорогой мне России.

Увольнение — для Вас лично — это освобождение от тяжелого бремени и наступление личного, хотя и временного успокоения, но обстоятельства этого увольнения и даже форма его наводит меня на самые глубокие и печальные раздумья[65]. Что будет дальше? Каким курсом пойдет задрейфовавший государственный корабль? А что такое новый руководитель финансов? Слухами земля полнится и слухи эти — увы! — нерадостные. Бог дать еще пожалеем об этом. Я пишу Вам под неостывшим еще впечатлением от только что прочитанных рескриптов. Крепко целую дорогого мне Владимира Николаевича. Он стал мне еще дороже, если только это возможно[66].>

С той поры и до конца февраля 1917 [г.] мы всегда встречались с Н[иколаем] Ст[епановичем] в Государственном совете.

События войны и памятные всем переживания нашей внутренней жизни того времени глубоко и болезненно отражались на его здоровье. Он стал заметно ослабевать, нервы его плохо сопротивлялись ударам судьбы. Не раз собирался он говорить в Общем собрании Совета, но потом отказывался, опасаясь, что силы его изменят ему и он не сможет спокойно досказать всего, что считал нужным. Последний раз он решился <однако> выступить, осенью 1916 года, по поводу грозного в то время настроения в стране и закончил ее историческими словами: «Отечество в опасности и пора дать себе в этом ясный отчет, иначе будет уже поздно».

Глубоко взволнованным <от горячей произнесенной им речи> вернулся он на свое место, окружающие заметили, что он <был> близок к обмороку, помогли ему выйти из зала заседания и проводили его домой. Я думаю, что это была его лебединая песнь, потому что моя память не удерживает больше каких-либо его выступлений <до конца февраля 1917 г.>, хотя внешне он и оправился.

Последний раз в традиционный день 19 февраля 1917 года, перед самою революцией, семья и его близкие <и> друзья, в числе которых были и мы с женой, собрались у Н[иколая] Ст[епановича] на Литейной. Внешне всё было по-старому: тоже гостеприимство, те же лица, то же сердечное отношение к хозяину, но настроение было уже не то. «Пахнет гарью» сказал он, отвечая на приветствие И. А. Шебеко. Тревога владела всеми, речи не клеились, обычные бодрые надежды на лучшее будущее не претворялись в слово, и все разошлись рано по домам. Порвалось прошлое, наступили тягостные дни.

Мы встречались с Н[иколаем] Ст[епановичем] после этого еще неоднократно в течение весенних и осенних месяцев 1917 года, в особенности с связи с процессом генерала Сухомлинова[67]. Думы у всех нас были одни— всё рушится, и из хаоса разрушения невидно никаких проблесков созидания. Я уехал на Кавказ, Н[иколай] Ст[епанович] остался у себя.

В конце мая 1918 года я вернулся в Петроград, был арестован, неизвестно почему выпущен и не знал, что́ делать и на что́ решиться. В редкие наши встречи в эту пору Н[иколай] Ст[епанович], как и все оставшиеся еще в Петрограде, твердил мне одно: «Уезжайте, а то будет поздно». Про себя он говорил: «Мне

некуда уважать, всё, что мне дорого в жизни, у меня здесь и свои кости я хочу непременно сложить в родной земле, да меня и не тронут; кому я нужен теперь». Мне удалось уйти в эмиграцию.

Как-то в начале 1921-го года я получил через А. Н. Фену[68] письмо от Н[иколая] Ст[епановича] с извещением, что он решил приехать <вместе с Евгенией Александровной> на короткое время в Париж повидать свою дочь Зинаиду Николаевну и ее детей, с тем чтобы потом снова вернуться домой, но не знает, как получить визу, а без нее нельзя иметь разрешения на выезд. Визу мне удалось получить в несколько дней, — имя Н[иколая] Ст[епановича] разом устранило все обычные формальности. Мы стали ждать скорого его приезда сюда, и я должен был быть извещен по телеграфу о проезде его через Выборг[69].

Судьба судила, однако, иначе. В апреле 1921 года не стало Евгении Александровны. В конце этого месяца я получил от него письмо, которое передал на хранение его детям. Вот что писал он мне тогда[70].

<Дорогой друг,

Всемогущий возложил великие испытания на мое устарелое, согнувшееся под житейскими невзгодами существование; он взял жизненную зацепку, последний смысл моего физического бытия. Судьбы Божии неисповедимы, не дерзаю роптать перед Его Святым Промыслом.

Горе сердца непередаваемо! Если бы не теплый засветившийся на моем предсмертном пути, маячный огонек сочувствия, всех знавших покойную, и любящих меня, то моя ладья разбилась бы об утесы жизни.

В особенности обязан я силе любви моего Володи[71] к маме и ко мне; без нее не перетерпел бы этого захватывающего вала мятущегося житейского моря «моей ладьи».

Теперь, по окончании 40 дней, буду жить одним стремлением осуществить предсмертную мечту покойной, да и мою, повидать до моей смерти Зину и ребятишек, передать им пожелания и благословения незабвенной, а затем возвратиться и сложить свои кости на Митрофаньевском кладбище, рядом с прахом тех, которыми была украшена моя жизнь.

Обнимаю и целую Вас крепко, крепко, целую ручки Анне Федоровне [72] и прошу передать привет всем помнящим меня, кого увидите

Ваш Н. Таганцев>.

<В этом письме сказался весь Н[иколай] Ст[епанович], каким мы его знали: глубоко верующий, любивший родину выше всего, живший семьею и для семьи, — неизменно верный друг своих друзей, безропотно переносивший тяжелую несправедливую свою долю.>Но и этого своего желания Николаю Степановичу не привелось выполнить. Ни его дети, ни мы, его друзья и почитатели, не имели отрады встретить его здесь и дать ему хоть бы короткий покой после всего, что ему было суждено пережить.

Он остался в России, которую любил такою горячею любовью. Что́ испытал он дома под конец своей разбитой, одинокой жизни, — об этом могут нам

поведать только те, кто жил близко около него, делил его страдания и пытался чем только мог смягчать их.

Мы, его друзья и близкие, знали об этом издалека только по доходившим до нас отрывочным сведениям, <но> и эти сведения достаточны для того, чтобы мы могли понять всю глубину пережитых им страданий, когда у него <на> глазах погиб такой страшною, безжалостную смертью мученика его Володя, о котором с такою любовью говорил его<отец> в письме по поводу кончины его матери, когда дикая злоба так беспощадно разметала его неповинную семью. Но говорить об этом я не могу, потому что в эту пору меня не было около него, и я <не хочу>[73] расширять рамки моих личных воспоминаний.

<Скажу только, что под конец жизни> судьба лишила Николая Степановича всего, чем только он дорожил при жизни и из-за чего не решился покинуть родины: его любимой жены, его сына, его маленьких внуков, познавших все ужасы брошенных детей, лишила его сил и самой возможности учить молодое поколение и передать ему семена знания<, чести> и добра, которые он сеял такою щедрою рукою при своей длинной жизни и — обрекла его <на>[74] все невзгоды одинокой старости.

Она не лишила его только одного, <того,> к чему он так всегда стремился и без чего не мыслил своего земного конца, — быть похороненным в родной земле, чего лишены мы все, кто не увидит нашей родины. Он погребен, как и хотел, на Митрофаньевском кладбище, <как он хотел в своих комментариях>, «рядом с прахом тех, которыми была окружена вся его жизнь»:

Да будет легка ему его родная земля и да сохранится[75] <в> нас, его почитателях, друзьях и учениках, светлая и вечная о нем память.

<Гр[аф] В. Коковцов>

<u><19 февраля</u>
4 марта 1930 г.>

Машинопись с рукописными вставками
ГА РФ. Ф. 6734. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–17

---

[1] Работа подготовлена в рамках гранта РФФИ 16–31–01046а2.

[2] Об их биографиях см. подробнее: Черняев В. Ю. О Н. С. Таганцеве и его дневнике // Звезда. 1998. № 9. С. 126–129; Левицкий Г. А. Памяти Николая Степановича Таганцева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2 (30). С. 48–60; Воронежцев А. В., Ковалев М. В. Жизненный путь графа В. Н. Коковцова // Коковцов В. Н. Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры. М., 2011. С. 12–24.

[3] Н. С. Таганцев также преподавал в Императорском Училище правоведения, и примечательно, что его любимым учеником, вышедшим из стен этого учебного заведения, станет В. Д. Набоков. См.: *Черняев В. Ю.* Ученик и учитель: В. Д. Набоков и Н. С. Таганцев // Владимир Дмитриевич Набоков: свобода слова по-русски. СПб., 2015. С. 7–42.

[4] *Коковцов В. Н.* Обрывки воспоминаний. С. 194–195.

[5] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 760. Оп. 1. Д. 233. Л. 1 об. — 2.

[6] *Beccaria C.* Des délits et des peines. Paris, 1856.

[7] ОР РНБ. Ф. 760. Оп. 1. Д. 233. Л. 2 об. Имеется в виду книга: *Haus J. J.* Coursdedroitcriminal. Gand, 1857. Однако невозможно установить, каким именно изданием располагал В. Н. Коковцов, ибо книга выдержала несколько изданий, например в 1861 и 1864 гг.

[8] Описание одной из таких словесных баталий с С. Ю. Витте в Государственном совете Н. С. Таганцев привел в своих мемуарах: *Таганцев Н. С.* Пережитое: Учреждение Государственной думы в 1905–1906 гг. Пг., 1919. С. 151–152.

[9] ОР РНБ. Ф. 760. Оп. 1. Д. 233. Л. 14–15.

[10] Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 966. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–1 об.

[11] *Черняев В. Ю.* Дело «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева» // Репрессированные геологи. М. — СПб., 1999. С. 391–395.

[12] Собрание памяти Н. С. Таганцева // Возрождение. 1930. № 1740, 8 марта. С. 4.

[13] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 5885. Оп. 1. Д. 51. Л. 62–72.

[14] *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. Париж, 1933. Т. I. С. 3, 320; Т. II. С. 307, 397. Образ Н. С. Таганцева будет присутствовать и в мемуарах графа о годах учебы в Лицее, впервые опубликованных уже в наше время: *Коковцов В. Н.* Обрывки воспоминаний. С. 177, 195–196, 204.

[15] Митрофаньевское кладбище было открыто на южной окраине Санкт-Петербурга в 1831 г. Первоначально служило для захоронения умерших от холеры, но затем превратилось в обыкновенное православное кладбище и к началу XX в. стало одним из самых больших петербургских кладбищ. В 1927 г. закрыто. В 1930-х гг. несколько захоронений перенесено в Некрополь мастеров искусств и на Литераторские мостки. В 1950–1960-х гг. кладбище пришло в запустение и было частично застроено. Могила Н. С. Таганцева до наших дней не сохранилась.

[16] Имеется в виду Надежда Николаевна Таганцева (1871–1942), в замужестве Миштовт, дочь от брака с Зинаидой Александровной Кадьян (1850–1882). Жена нейрохирурга Георгия Викентьевича Миштовта, ученика и соратника академика И. П. Павлова. Преподавала арифметику в Женской гимназии Л. С. Таганцевой, после революции работала в 15-й единой советской трудовой школе. Скончалась во время ленинградской блокады.

[17] Несколько вольная передача строф из «Песни о Вещем Олеге» (1822) А. С. Пушкина. В оригинале: «Бойцы поминают минувшие дни / И битвы, где вместе рубились они».

[18] Н. С. Таганцев был назначен членом Государственного совета в 1905 г. и сохранил свое членство после его преобразования в верхнюю палату парламента. Работа его в Совете отличалась высокой активностью. Он избирался членом комиссии законодательных предположений, был членом 1-го департамента Совета (*Левенсон М. Л.* Государственный совет: портреты и биографии. Пг., 1915. С. 94–95).

[19] *Зачеркнуто в оригинале*: на почве чисто личной.

[20] В. Н. Коковцов вместе с супругой нелегально пересек границу с Финляндией в октябре 1918 г., а затем уехал оттуда во Францию (*Ковалев М. В.* Граф Владимир Николаевич Коковцов в эмиграции (по новым архивным материалам) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 8: История. С. 153).

[21] Увы, пока не удалось установить, о какой именно из сестер В. Н. Коковцова — Александре, Аделаиде, Елизавете или Екатерине — идет речь.

[22] *Зачеркнуто в оригинале*: мой.

[23] Императорский Александровский лицей — привилегированное учебное заведение для детей дворян, в 1811–1843 гг. работало в Царском Селе и именовалось «Императорский Царскосельский лицей». После переезда в Санкт-Петербург в 1843 г. называлось «Императорский Александровский лицей». Среди выпускников Лицея в петербургский период, помимо В. Н. Коковцова — писатель М. Е. Салтыков-Щедрин, государственные деятели А. Б. Лобанов-Ростовский, Д. М. Сольский и Э. Д. Плеске, революционер Н. А. Серно-Соловьевич и др. В мае 1918 г. Лицей закрыт большевиками.

[24] Миллер Николай Иванович (1809–1889) — генерал от инфантерии, участник подавления Польского восстания 1830–1831 гг., инспектор классов Императорского Александровского лицея, затем — его директор (с 1853 г.). Его гуманный образ выведен в рассказе Н. С. Лескова «Человек на часах» (1839).

[25] Речь идет об униформе чиновников министерства народного просвещения — темно-синего цвета, с золотыми пуговицами и бархатным отложным воротником с золотым шитьем. На протяжении XIX в. она несколько раз видоизменялась, оставался прежним лишь ее цвет — темно-синий.

[26] Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889) — правовед, публицист. В 1867–1889 гг. преподавал государственное право в Санкт-Петербургском университете, пройдя путь от приват-доцента до ординарного профессора. А. Д. Градовский также вел занятия в Императорском Александровском лицее. Автор фундаментальных работ по истории русского права.

[27] Пахман Семен Викентьевич (1825–1910) — правовед. Преподавал в Ришельевском лицее в Одессе, в Казанском и Харьковском университетах. В 1866–1876 гг. — профессор кафедры гражданского права и судопроизводства в Санкт-Петербургском университете. Читал гражданское право в Александровском лицее и Училище правоведения. В 1882 г. назначен сенатором.

[28] Сергеевич Василий Иванович (1832–1911) — историк, правовед. В 1868 г. начал преподавание в Московском университете в звании приват-доцента. В 1871 г. назначен профессором кафедры государственного права. С 1872 г. — в Санкт-Петербургском университете, в 1888–1897 гг. — декан юридического факультета, а в 1897–1899 гг. — ректор университета. В 1907–1911 гг. — член Государственного совета. Автор фундаментальных исследований по истории древнерусского права.

[29] Безобразов Владимир Павлович (1828–1889) — экономист, статистик, публицист. Академик (1867). Служил в структуре министерства финансов и министерства государственных имуществ. В 1868–1878 гг. преподавал в Императорском Александровском лицее. С 1885 г. — сенатор.

[30] Императорское училище правоведения — престижное высшее учебное заведение Российской империи, открытое в 1835 г. Находилось в ведомстве министерства юстиции. В июне 1918 г. закрыто большевиками.

[31] Несколько вольная передача строф из 1-й главы «Евгения Онегина» (1825) А. С. Пушкина. В оригинале: «Мы все учились понемногу / Чему-нибудь и как-нибудь».

[32] Строчка из стихотворения А. С. Пушкина «19 октября» (1827).

[33] Баршев Яков Иванович (1807–1894) — правовед. Выпускник Московской духовной академии. Служил во II Отделении ЕИВ Канцелярии под начальством М. М. Сперанского. С 1835 г. — профессор Санкт-Петербургского университета. Преподавал также в Александровском лицее, Училище правоведения и Пажеском корпусе. Крупный исследователь уголовного права.

[34] *Зачеркнуто в оригинале*: ним.

[35] «Фуксовый ответ» — в данном случае понимается как случайный успех. Вероятно, в основе словосочетания лежит бильярдный термин «фуксовый шар», т.е. шар, который попал в лузу во время игры случайно, не являясь прицельным.

[36] В своих мемуарах, написанных после публикуемого очерка, В. Н. Коковцов уточнит тему своей работы: «Об ответственности малолетних по русскому праву» (*Коковцов В. Н.* Обрывки воспоминаний. С. 195). Очевидно, работу он писал весной–летом 1872 г.

[37] *Подчеркнуто в оригинале*.

[38] Имеется в виду Николай Васильевич Коковцов (1814–1873), подполковник, служивший в Корпусе инженеров путей сообщения.

[39] Ольденбургский Петр Георгиевич (1812–1881) — военный и государственный деятель, принц, член Императорского дома. Генерал от инфантерии. Был известен как меценат и благотворитель. Один из инициаторов создания Императорского Училища правове-

дения. Попечитель Санкт-Петербургского коммерческого училища, Императорского Александровского лицея. Главный начальник женских учебных заведений ведомства императрицы Марии. Президент Вольного экономического общества.

[40] Кесслер Карл Федорович (1815–1881) — зоолог. Преподавал в Киевском университете в 1843–1862 гг., декан физико-математического факультета в 1856–1861 гг. В 1862 г. вернулся в Санкт-Петербург, где занял кафедру зоологии в университете. Был деканом физико-математического факультета, ректор в 1867–1873 гг. Основатель Петербургского общества естествоиспытателей. Автор фундаментальных работ по орнитологии и ихтиологии.

[41] Основной центральный административный орган министерства юстиции, созданный в 1803 г. 27 марта 1890 г. единый департамент был разделен на два.

[42] Грот Константин Карлович (1814–1897) — государственный и общественный деятель. В 1835–1853 гг. служил в министерстве государственных имуществ, министерстве финансов и министерстве внутренних дел. В 1853–1861 гг. — самарский губернатор. В 1861–1863 гг. входил в состав Комиссии по устройству крестьянских учреждений под председательством Н. А. Милютина. В 1861–1869 гг. занимал должность директора Департамента податей и сборов Министерства финансов. Участвовал в составлении положения о земских учреждениях (1864) и нового городового положения (1870). В 1877 г. возглавил Комиссию по тюремной реформе. В 1881–1882 гг. — заведующий тюремным ведомством на правах министра. Был известен как меценат и благотворитель. В 1882–1885 гг. был главноуправляющим канцелярией Ведомства учреждений императрицы Марии. О его отношениях с В. Н. Коковцовым см.: *Зайцев М. В.* Личные и профессиональные качества К. К. Грота в воспоминаниях В. Н. Коковцова // Гротовские чтения: Материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции. Самара, 2016. С. 22–30.

[43] Имеется в виду Комиссия о тюремной реформе, которую К. К. Грот возглавил в 1877 г., и результатом работы которой стало создание Главного тюремного управления в 1879 г., а также выработка специальных нормативно-правовых актов, в том числе закона от 11 декабря 1879 г. «Об основных положениях, имеющих служить руководствам при преобразовании тюремной части и при пересмотре Уложения о наказаниях».

[44] Закон 1879 г. установил новую иерархию наказаний, связанную с лишением свободы: ссылка на каторгу без срока и на срок, заключение в исправительном доме на срок до 6 лет, заключение в тюрьме до одного года и арест до трех месяцев.

[45] Дом предварительного заключения (Шпалерная тюрьма, «Шпалерка») — первая в России специальная следственная тюрьма, открывшаяся в Санкт-Петербурге в 1875 г., и располагавшаяся по адресу: Шпалерная ул., 25. В тюрьме содержались многие участники революционного движения. См.: *Зайцев М. В.* Содержание политзаключенных в России последней трети XIX века (по ранним воспоминаниям В. Н. Коковцова) // История и историческая память. Саратов, 2016. Т. 13–14. С. 262–268.

[46] *Зачеркнуто в оригинале*: время.

[47] «Процесс 193-х» — крупнейший политический процесс в Российской империи против революционеров-народников. Дело о революционной пропаганде разбиралось в Санкт-Петербурге в Особом присутствии Правительствующего сената в 1877–1878 гг. Главными обвиняемыми были И. Н. Мышкин, Д. М. Рогачев, П. И. Войнаральский, С. Ф. Ковалик, Н. А. Морозов, Л. Э. Шишко, Ф. В. Вольховский. Процесс получил широкую огласку в России и за границей. Суд приговорил 28 человек к каторге от 3 до 10 лет, 36 — к ссылке, более 30 человек — к менее тяжелым формам наказания. Однако император санкционировал административную высылку для 80 человек из оправданных судом.

[48] Речь идет о первой жене Н. С. Таганцева — З. А. Кадьян.

[49] Кадьян Александр Александрович (1849–1917) — врач и общественный деятель. В ходе «Процесса 193-х» был оправдан. Уехал добровольцем на русско-турецкую войну 1877–1878 гг., но затем всё равно было определен под гласный надзор полиции в Симбирск.

Работал там в губернской земской больнице, был лечащим врачом семьи И. Н. Ульянова. В 1884 г. вернулся в Санкт-Петербург, где продолжил врачебную карьеру. Преподавал в Женском медицинском институте.

50 Орган управления пенитенциарной системой, созданный в ходе тюремной реформы 1879 г.

51 Государственная канцелярия — структурное подразделение Государственного совета, созданное в 1810 г. и возглавляемое государственным секретарем. Через канцелярию проходили все дела, подлежавшие рассмотрению Совета. Она занимала одно из главных мест в административном аппарате Российской империи.

52 В декабре 1895 г. Главное тюремное управление было выведено из-под юрисдикции министерства внутренних дел и передано министерству юстиции.

53 Имеется в виду ресторан предпринимателя Файзуллы Карамышева, открывшийся в 1886 г. по адресу: Невский пр., 44. Некоторое время он именовался «Афганистан», однако в начале XX в. был известен под названием «Карамышев».

54 Шмеман Николай Эдуардович (1850–1928) — юрист и государственный деятель. Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Служил в департаменте министерства юстиции, а затем в Государственной канцелярии (с 1883 г.). Сенатор (с 1900 г.). Член Государственного совета, входил в группу Центра. Эмигрировал из Советской России. Умер в Париже. Дед видных религиозных деятелей русской эмиграции — Александра и Андрея Шмеманов.

55 Чаплин Николай Дмитриевич (1852–?) — судебный и государственный деятель. Выпускник Императорского Училища правоведения. В 1870-х гг. служил в судебных учреждениях Казанской губернии, затем — в Санкт-Петербургском окружном суде. Директор второго департамента министерства юстиции. С 1905 г. — сенатор. В 1905–1917 гг. — управляющий Межевой частью министерства юстиции на правах товарища (заместителя) министра.

56 Речь идет о второй жене Н. С. Таганцева — Евгении Александровне, урожденной Кадьян (1853–1921). Она была младшей сестрой его первой супруги — Зинаиды. Н. С. Таганцев сочетался с ней браком через пять лет после безвременной кончины первой жены. У них родятся двое детей — Зинаида (1884–1946) и Владимир (1889–1921).

57 Шебеко Игнатий Альбертович (1857–1937) — русско-польский судебный и общественный деятель, дипломат. Выпускник Императорского Александровского лицея. Служил на различных судебных должностях в Варшавском, Рижском и Казанском судебном округах. Член Государственного совета по выборам от землевладельцев Царства Польского с 1909 г. Примыкал к группе Центра. В 1918 г. вошел в состав Польского национального комитета в Париже. После провозглашения Польшей независимости был временным поверенным в делах в Берлине (1920–1921), членом Сейма (1922–1927).

58 Скирмунт Роман Александрович (1868–1939) — польско-белорусский общественный и государственный деятель. Выпускник Варшавского университета. Депутат I Государственной думы. Член Государственного совета. После Февральской революции возглавлял Белорусский национальный комитет, был членом Рады Белорусской народной республики. Жил в Польше, был сенатором. Погиб 7 октября 1939 г. при невыясненных обстоятельствах после занятия части Польши Красной армией.

59 Имеется в виду русско-японская война 1904–1905 гг.

60 Ныне — ул. Рылеева.

61 Ныне — ул. Восстания.

62 *Зачеркнуто в оригинале*: службу.

63 Цитируются строки из стихотворения А. С. Пушкина 1832 г. «В альбом княжне А. Д. Абамлек («Когда-то (помню с умиленьем...»)».

64 Оригинал этого письма сохранился в личном фонде В. Н. Коковцова в РГИА (Ф. 966. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–1 об.). Текст В. Н. Коковцов воспроизвел в своих мемуарах (*Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Т. II. С. 307). В публикуемом очерке В. Н. Коковцов до-

вольно точно повторил текст подлинника, но всё же имеются некоторые отступления, впрочем, не влияющие на общий смысл.

[65] В оригинале письма фраза выглядит несколько иначе: «Увольнение — для Вас лично — это освобождение от тяжелого бремени и наступление личного, хотя и временного успокоения, но обстоятельства этого увольнения и даже форма — это незаслуженное и непростительное унижение. За что? Позолочена пилюля из асафетида» (РГИА. Ф. 966. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–1 об.).

[66] *В оригинальном тексте предложение* «Он стал мне еще дороже, еще настолько это возможно» *отсутствует*.

[67] Имеется в виду суд над военным министром, генералом Владимиром Александровичем Сухомлиновым (1848–1926), инициированный под давлением общественности на фоне катастрофических поражений российской армии в 1915 г. В марте 1916 г. В. А. Сухомлинов был уволен с военной службы, в апреле выведен из числа членов Государственного совета. В мае 1916 г. он был арестован и заключен на время следствия в Петропавловскую крепость. В октябре переведен под домашний арест. После Февральской революции процесс был продолжен по инициативе Временного правительства. Суд состоялся 10 августа –12 сентября 1917 г. под председательством сенатора Н. Н. Таганцева, сына Н. С. Таганцева. В. Н. Коковцов принимал участие в судебном процессе августа–сентября 1917 г. в качестве свидетеля, подробно изложив ситуацию с финансированием военных заказов. О В. А. Сухомлинове он впоследствии писал в мемуарах: «Несмотря на то что я считаю его одним из главных виновников катастрофы, постигшей Россию, я не считаю его виновным в измене перед своею родиною. Он виновен в том, что был преступно легкомыслен на своем посту, что смотрел на всё глазами своей жены, окружал себя, в угоду ей, всякими проходимцами, давая им возможность знать то, о чем они не должны были иметь никакого понятия, и в особенности быть может тем, что он имел самое вредное влияние на Государя, отвлекая Его внимание всякими пустяками от серьезного дела» (*Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Т. II. С. 416). В. А. Сухомлинов был приговорен к бессрочной каторге и отправлен сначала в Петропавловскую крепость, затем — в «Кресты». Амнистирован большевиками 1 мая 1918 г. как достигший 70-летнего возраста. После освобождения эмигрировал в Финляндию, затем перебрался в Германию.

[68] Фену Александр Николаевич (1873–1954) — военный деятель, полковник лейб-гвардии Егерского полка. Был воспитателем в Александровском кадетском и Пажеском корпусах. Директор Пажеского корпуса (1917). Эмигрировал. Жил в Финляндии, затем в Германии и во Франции.

[69] *Зачеркнуто в оригинале*: чтобы обеспечить присмотренное помещение.

[70] Оригинал письма сохранился среди бумаг Н. Н. Таганцева, вывезенных им в эмиграцию. В. Н. Коковцов тут безошибочно цитирует его текст. См.: ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 494. Л. 191–191 об.

[71] Таганцев Владимир Николаевич (1889–1921) — географ и общественный деятель. Выпускник Санкт-Петербургского университета. Проводил экспедиционные работы в Центральной Азии, за которые был награжден медалью Русского географического общества (1915). Участник Первой мировой войны (на Кавказском фронте). Секретарь Сапропелевого комитета Российской академии наук. В 1921 г. арестован ВЧК по делу Петроградской боевой организации. Расстрелян.

[72] Коковцова Анна Федоровна (1860–1950), урожденная Оом — жена В. Н. Коковцова, графиня, общественная деятельница.

[73] *Зачеркнуто в оригинале*: не имею права.

[74] *Зачеркнуто в оригинале*: познать.

[75] *Зачеркнуто в оригинале*: среди.

References

BECCARIAC. Des délits et des peines / Éd., introd. et comment.F. Hélie. Paris: Guillaumin et Cie, Librai-res, 1856.

CHERNYAEVV. YU.*O N. S. Tagantseve i ego dnevniki* // Zvezda. 1998. N9. S. 126–129.

CHERNYAEVV. YU.*Delo «Petrogradskoy boyevoy organizatsii V. N. Tagantseva»* // Repressirovannye geologi. Moscow — St Petersburg: MPR RF, VSEGEI, RosGeo, 1999. S. 391–395.

CHERNYAEVV. YU.*Uchenik i uchitel': V. D. Nabokov i N. S. Tagantsev* // Vladimir Dmitriyevich Nabokov: svoboda slova po-russki. Sb. materialov konferentsii. St Petersburg: Severnaya zvezda. 2015. P. 7–42.

HAUSJ. J. *Coursdedroitcriminal*. Gand: H. Hoste, 1857.

KOKOVTSOVV. N. *Iz moego proshlogo. Vospominaniya 1903–1919: In 2 vols*. Paris: Illyustrirovannaya Rossiya, 1933.

KOKOVTSOVV. N. *Obryvki vospominaniy iz moego detstva i litseyskoy pory*. Moscow: Russky put', 2011.

KOVALEVM. V. *Graf Vladimir Nikolayevich Kokovtsov v emigratsii (po novym arkhivnym materialam)* // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya. 2015. T. 14. Vol. 8: Istoriya. P. 151–169.

LEVENSONM. L. *Gosudarstvenny sovet: portrety i biografii*. Petrograd: Tipografiya Petrogradskoy tur'my, 1915.

LEVITSKYG. A. *Pamyati Nikolaya Stepanovicha Tagantseva* // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2006. N2 (30). S. 48–60.

Sobranie pamyati N. S. Tagantseva // Vozrozhdenie. 1930. N1740, 8 Marta. S. 4.

TAGANTSEV N. S. *Perezhitoe: Uchrezhdenie Gosudarstvennoy dumy v 1905–1906 gg*.Petrograd: 13-ya Gosudarstvennaya tipografiya, 1919.

VORONEZHTSEVA. V., KOVALEVM. V. *Zhiznenny put' grafa V. N. Kokovtsova*// Kokovtsov V. N. Obryvki vospominaniy iz moego detstva i litseyskoy pory. Moscow: Russky put', 2011. S. 12–24.

ZAYTSEVM. V. *Lichnye i professional'nye kachestva K. K. Grota v vospominaniyakh V. N. Kokovtsova* // Grotovskie chteniya: Materialy IV Mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Samara: Ofort, 2016. S. 22–30.

ZAYTSEVM. V. *Soderzhaniye politzaklyuchennykh v Rossii posledney treti XIX veka (po rannim vospominaniyam V. N. Kokovtsova)* // Istoriya i istoricheskaya pamyat'. Saratov, 2016. T. 13–14. S. 262–268.

Список литературы

Воронежцев А. В., Ковалев М. В. Жизненный путь графа В. Н. Коковцова // Коковцов В. Н. Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры. М.: Русский путь, 2011. С. 12–24.

Зайцев М. В. Личные и профессиональные качества К. К. Грота в воспоминаниях В. Н. Коковцова // Гротовские чтения: Материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции. Самара: Офорт, 2016. С. 22–30.

Зайцев М. В. Содержание политзаключенных в России последней трети XIX века (по ранним воспоминаниям В. Н. Коковцова) // История и историческая память. Саратов, 2016. Т. 13–14. С. 262–268.

Ковалев М. В. Граф Владимир Николаевич Коковцов в эмиграции (по новым архивным материалам) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 8: История. С. 151–169.

Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919: В 2 т. Париж: Иллюстрированная Россия, 1933.

Коковцов В. Н. Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры. М.: Русский путь, 2011.

Левенсон М. Л. Государственный совет: портреты и биографии. Пг.: Типография Петроградской тюрьмы, 1915.

Левицкий Г. А. Памяти Николая Степановича Таганцева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2 (30). С. 48–60.

Собрание памяти Н. С. Таганцева // Возрождение. 1930. № 1740, 8 марта. С. 4.

Таганцев Н. С. Пережитое: Учреждение Государственной думы в 1905–1906 гг. Пг.: 13-я Государственная типография, 1919.

Черняев В. Ю. О Н. С. Таганцеве и его дневнике // Звезда. 1998. № 9. С. 126–129.

Черняев В. Ю. Дело «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева» // Репрессированные геологи. М. — СПб.: МПР РФ, ВСЕГЕИ, РосГео, 1999. С. 391–395.

Черняев В. Ю. Ученик и учитель: В. Д. Набоков и Н. С. Таганцев // Владимир Дмитриевич Набоков: свобода слова по-русски: Сб. Материалов конференции. СПб.: Северная звезда, 2015. С. 7–42.

Beccaria C. Des délits et des peines / Éd., introd. et comment. F. Hélie. Paris: Guillaumin et Cie, Libraires, 1856.

Haus J. J. Cours de droit criminal. Gand: H. Hoste, 1857.

М. В. Ковалев. «…Я знал Николая Степановича ровно полвека»: воспоминания В. Н. Коковцова о Н. С. Таганцеве

Публикуется текст доклада графа В. Н. Коковцова (1853–1943) о правоведе Н. С. Таганцеве (1843–1923), сделанного в Париже 4 марта 1930 г. на собрании Союза бывших деятелей российского судебного ведомства. В докладе раскрывается история взаимоотношений двух видных участников общественно-политической жизни России. Он позволяет понять особенности их взаимодействия и интеллектуальной преемственности, поскольку Н. С. Таганцев был профессором Александровского лицея, когда там учился В. Н. Коковцов, и оказал влияние на становление правовых взглядов своего ученика. В публикуемом докладе отражается картина мира представителей имперских элит на переломе истории. Хотя политические взгляды Н. С. Таганцева и В. Н. Коковцова различались, между ними не возникало разногласий на этой почве. Текст доклада наглядно показывает, что учитель всегда со вниманием следил за развитием карьеры своего ученика и сочувствовал ему в критические моменты, каким стала отставка В. Н. Коковцова в 1914 г. Доклад также обрисовывает особенности мироощущения русской послереволюционной эмиграции. Если в начале 1920-х гг. Коковцов верил в падение большевиков, то его доклад 1930 г. проникнут чувством обреченности и ощущением неизбежной смерти на чужбине. Доклад раскрывает неизвестные страницы из биографии Н. С. Таганцева, например, в нем говорится о его несостоявшейся поездке в Париж в 1921 г. Доклад в значительной мере дополняет сведения о взаимоотношениях В. Н. Коковцова и Н. С. Таганцева, содержащиеся в их ранее опубликованных мемуарах.

Ключевые слова: В. Н. Коковцов, Н. С. Таганцев, мемуаристика, правоведение, Александровский лицей, революция 1917 г., русская эмиграция.

M. V. Kovalev. «…I was knew Nikolay Stepanovich exactly half a century»: memories of V. N. Kokovtsov on N. S. Tagantsev

The text of the speech by Count V. N. Kokovtsov (1953–1943) on the famous jurist N. S. Tagantsev (1843–1923) is published. It was made in Paris on March 4, 1930 at the assembly of the Union of former figures of the Russian judicial institution. The history of the relationship between two prominent participants of Russia's socio-political life is described in this report. It allows us to understand the peculiarities of their communications and intellectual transfer, since N. S. Tagantsev was a professor at the Alexander Lyceum, when V. N. Kokovtsov studied there, and he trained sight on the formation of the law views of his student. The worldviews of representatives of the imperial elites at the turn of history is reflected in the published text. Although the political views of N. S. Tagantsev and V. N. Kokovtsov were differed, there was no disagreement between them on this basis. The text of the speech shows clearly that the teacher always followed with care the development of his student's career and sympathized to him at critical moments, like the resignation of V. N. Kokovtsov in 1914. In addition, the text outlines the peculiarities of the attitude of the Russian post-revolutionary emigration. If in the early 1920's, V. N. Kokovtsov believed in the fall of the Bolsheviks, then his speech of 1930 is imbued with a sense of doom and a sense of inevitable death in a foreign land. The speech reveals unknown pages from the biography of N. S. Tagantsev. For example, it is said of his failed trip to Paris in 1921. The text is supplemented largely by information on the relationship of V. N. Kokovtsov and N. S. Tagantsev, which is presented in their previously published memoirs.

Keywords: V. N. Kokovtsov, N. S. Tagantsev, memoirism, jurisprudence, the Alexander Lyceum, the revolution of 1917, the Russian emigration.

Ковалев, Михаил Владимирович — канд. ист. наук, доцент Саратовского государственного технического университета им. Ю. А. Гагарина, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Kovalev, Mikhail Vladimirovich — Ph.D., Associate Professor of Yuri Gagarin Saratov State Technical University, researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru